

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В АРМЕНИИ

Изучение культуры древнейшего Закавказья началось 80 лет тому назад. За этот короткий промежуток времени, наряду с древними памятниками армянской и грузинской культур, были обследованы также могильники, относящиеся к тому периоду, когда еще не существовали современные народы Закавказья, могильники, близкие к культуре эпохи бронзы и раннего железа, обнаруженной в других местах¹.

Обследование этих памятников, называвшихся «языческими», началось в 1871 году раскопками известного Самтаврского могильника, где за 5 лет раскопок было вскрыто огромное количество разновременных погребений, часть которых могла быть датирована VII—VI вв. до н. э. благодаря находкам в них скифских бронзовых стрел архаического типа².

В том же 1871 г. были открыты древние могилы на высоком плато р. Дебед-чай. У с. Ворнак (ныне Акнер) А. Д. Ерицян раскопал 23 погребения, ориентировочно датированных им двумя периодами эпохи бронзы, соответственно западноевропейской хронологической шкале³. Вслед за этим первыми работами был исследован еще один большой могильник у «Редкина Лагеря», в 6 километрах к югу от Дилижана, открытый при строительных работах еще в 1850 году. Раскопками здесь было открыто большое количество погребений, относящихся, главным образом, к эпохе бронзы⁴. Отдельные предметы из могильника «Редкин Лагерь» обнаруживали большое сходство с найденными в Самтавро, что давало возможность отнесения как этого могильника, так и древнейших погребений Самтавро к одной культуре⁵.

Результаты всех этих работ, опубликованных крайне суммарно на

¹ Обзор археологического изучения Закавказья, см. Пиотровский Б. Б., Археология Закавказья, гл. I, Л.-д., 1949.

² В. В. Рубов, Предметы древности в хранилище общ. любителей кавказской археологии, вып. I, Тифлис, 1887.

Fr. Bayern, Ausgrabungen der alten Gräber bei Mzchet, Zeitschrift für Ethnologie, Anthropologie und Urgeschichte, Berlin, 1872.

³ Газета „Кавказ“, № 3, сентябрь, 1871.

⁴ Работы Ф. Байерна, А. Бобринского и В. Вырубова.

⁵ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941, стр. 57—59.

различных языках, вместе с уже ранее известным Кобанским могильником вызвали оживленный интерес к кавказской археологии.

Особое место в археологии Армении и Закавказья занимают работы инженера алавердских рудников Жака Моргана, впоследствии крупнейшего археолога древнего Востока, подвергшего изучению несколько могильников (1887—88 гг.), расположенных по реке Дебед-чай в Алавердском районе (Арм. ССР), относящихся целиком к эпохе освоения железной металлургии. Однако все они принадлежали к различным периодам железного века, как это заметил и сам Морган¹.

Поздняя группа Лалварских погребений получает свою датировку благодаря находкам характерных наконечников стрел архаического скифского типа (VII—VI вв. до н. э.). Для изучения культуры эпохи широкого освоения железа раскопки Лалварских могильников имеют первостепенное значение, поэтому на них мы остановимся несколько подробнее.

В могильнике, расположенном на вершине горы Кара-Кала, называемой Шейтан-даг, близ станции Айрум, по сведениям Ж. Моргана было изучено (1887—88 гг.) 138 погребений, из коих 40, по его же определению, относились к отмеченной нами поздней группе. Аналогичные могильники были раскопаны (1888) Морганом недалеко от селения Ахтала (Уч-Килиса), на холме, называемом «*Սևրբ Գիւղ*». Из числа раскопанных здесь 118 погребений он описал только два.

В Западно-Ахталинском могильнике, принадлежавшем целиком к периоду интенсивного освоения железа, кроме каменных ящиков и могил, сложенных из мелких камней, он раскопал еще 60 грунтовых погребений, обследование которых не нашло отражения в его работах.

Чрезвычайно интересным и богатым среди всех Лалварских могильников является могильник в Мусиери, близ Алаверды, где в 1888 г. было вскрыто 582 каменных ящика. В одном из них (№ 242), наряду с предметами, характерными для всей указанной группы памятников, были найдены также бронзовые двуперые скифские стрелы конца VII и нач. VI вв. до н. э. с крючком на втулке.

Подобные же могильники, относящиеся к эпохе освоения железа, были вскрыты Морганом и в других местах, в частности в Садахло.

Археологический материал из раскопок могильников на Лалваре был увезен в большей своей части во Францию и лишь в незначительной части поступил в Кавказский музей. Тем не менее этот материал доступен для изучения, так как публикация Моргана содержит большой иллюстративный материал.

Спустя 22 года со времени первых раскопок на Ворнакском могильном поле, были предприняты новые работы Н. Я. Марром (1893), раскопавшим там большое количество каменных ящиков. Исследованные погребения содержали мечи, кинжалы и наконечники копий из железа, скифскую стрелу позднего типа (V—IV вв. до н. э.), пики, навершия булавы и украшения из бронзы, а среди разнотипных керамических сосудов особо

¹ J. de Morgan, Mission Scientifique au Caucase, P. I, Paris, 1889.

выделялись «глиняные кружки в форме ступок с ручками»¹. Материалы из раскопок Н. Я. Марра, распределенные по пяти музеям, остаются до сих пор неопубликованными².

Находки бронзовых стрел скифского образца в могильниках, раскопанных в начальный период археологических работ в Закавказье, служили первыми критериями для датировки памятников.

С точки зрения хронологического определения археологических памятников особенно важное значение имеют раскопки Е. С. Такайшвили в Ворнаке, произведенные в следующем, 1894 г.³ Наряду с погребениями периода начального освоения железа он вскрыл там и погребения, аналогичные поздним лалварским группам⁴.

Широкие раскопки были произведены в Армении в начале XX века. Более 500 курганов, кромлехов и других погребальных сооружений, особенно интересных своим богатым материалом, были раскопаны в районе оз. Севан в 1905, 1906 и 1908 гг. этнографом-собирателем Е. Лалаяном, раскопавшим в течение 25 лет более двух тысяч погребений в разных районах Армении, но не исследовавшим специально ни одно из них.

Среди погребений района оз. Севан определенные группы курганов в селениях Паташар, Кышлаг, Аликрых, Норадуз и особенно в Загалу относятся к различным временам эпохи железа, хотя Лалаян суммарно датировал их эпохой бронзы или железа⁵. Крайне слабая техническая сторона раскопок Лалаяна справедливо была осуждена еще в 1906 году.

Тем не менее использование богатейших материалов из Нор-Баязетского района, а также исследование здесь новых археологических памятников является первостепенной задачей археологов не только Армении, но и всего Закавказья, так как этот промежуточный район связывал между собою древние очаги металлургии Азербайджана, Армении и Грузии.

Работы по обнаружению и исследованию урартских эпитафических памятников и крепостей, являющихся важными источниками для истории всего Кавказа в VIII—VI вв. до н. э., проводились в отрыве от археологического изучения Армении и вследствие этого многие существенные вопросы культуры древнейшего Закавказья оставались нерешенными.

Подводя итог сказанному, отметим, что начальный период развития археологических работ в Армении, охвативший 50-летний промежуток времени, явился периодом собирания и накопления музейных ценностей, характеризующимся отсутствием (на местах) организаций, занимавшихся

¹ Н. Я. Марр, ОАК за 1894, стр. 14—16.

² Часть материалов из раскопок Н. Я. Марра находится в отделе Востока Гос. Эрмитажа, более незначительная часть — в Государственном историческом музее Армении.

³ Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 64.

⁴ Е. С. Такайшвили, ОАК за 1894.

Дневник Е. С. Такайшвили, д. № 17, архив ЛОИИМК.

⁵ Ազգադրական չինդէս, գիրք 14, թիֆլիս, 1906.

» » » 15, թիֆլիս, 1907.

» » » 19, թիֆլիս, 1910.

«Դեղաբույիք կամ նոր Բայազետի գաղառ», թիֆլիս, 1912.

Ն. չալայան, «Դարանների պեղումները Նոր-Բայազետի չալայանում», Երևան, 1931.

археологическим изучением края, проведением любительских, неплановых и несистематических раскопок, часто кладоискательского порядка и публикациями описательного, чисто вещеведческого характера, иногда со слабыми попытками определения материала во времени и территориально

В соответствии с этим, хотя ряд русских ученых (А. А. Ивановский, Г. Д. Филимонов, А. Уваров и др.) придерживался мнения о местном производстве металлических изделий, господствующей в науке являлась миграционная теория, направлявшая свои, регулируемые политическим положением Востока «волны» то на Восток (Э. Шантр, Р. Вирхов, Ж. Морган и др.), то на Запад (М. Гернес, Г. Вильке и др.)¹.

* * *

Основоположники исторического и диалектического материализма К. Маркс и Ф. Энгельс особо подчеркивали первостепенную роль археологии и этнографии в деле изучения пройденных этапов истории человеческого общества и, в частности, в деле понимания исторических процессов современности и будущего.

Глубокий исторический подход К. Маркса к памятникам древности замечательно иллюстрируется по следующей мысли его: «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.». По словам К. Маркса, гигантские сооружения азиатских народов делают нас «свидетелями» кооперативных процессов труда в древности². К этим вопросам Маркс возвращался неоднократно³. Вопреки установкам археологической науки XIX столетия, пытавшейся вести археологические изыскания оторванно от этнографических и исторических исследований, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали эти вопросы в общей связи. В этом отношении огромную роль сыграла книга Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства».

Используя археологические данные XIX столетия, основоположники марксизма дали в принципе верную общую археологическую периодизацию, основываясь на «естественно-научных, а не так называемых исторических изысканиях»⁴.

Эти марксистские принципы легли в основу советской археологической науки, отклонившей узко-вещеведческое направление в археологии и способствующей выяснению подлинной истории наименее известных этапов жизни человеческого общества. Советские археологи, в том числе и кавказоведы, на основе марксистской методологии провели плодотворную работу по изучению древнейших этапов истории Кавказа.

Путеводной звездой в этой многогранной и сложной работе советских

¹ А. А. Иессен, Из истории древней металлургии Кавказа, Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935.

² Б. Б. Пиотровский, Археологическое изучение древнего Закавказья, ВДИ, № 3, 1947.

³ Б. А. Куфти, ук. соч.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 340, 1953.

⁵ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 156, 1939.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 187. Примечание ко 2 изд., 1953.

археологов явились труды великих корифеев науки В. И. Ленина и И. В. Сталина. Произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» помогло советским ученым в деле преодоления ошибок марровского толка, в деле подлинно-марксистского понимания исторических процессов. В этой связи необходимо отметить, что исследуемый нами период истории древнейшего Закавказья Н. Я. Марр и его некоторые последователи рассматривали с точки зрения теории «стадиального развития». Исходя из этой «теории», преувеличивая значение наличия скифского элемента в материальной культуре Закавказья первого тысячелетия, а порою произвольно интерпретируя языковой материал, Н. Я. Марр и его последователи «выявляли» «скифов Кавказа»¹, утверждали наличие «в Закавказье в первом тысячелетии до нашей эры той же скифской стадии», приводившей к полному игнорированию подлинной истории как скифских, так и закавказских племен.

* * *

«После установления в Закавказье Советской власти и окончания гражданской войны молодые республики Закавказья—Азербайджан, Армения и Грузия—встали на путь неуклонного культурного роста. В центрах республик Баку, Ереване и Тбилиси были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерную работу по изучению древних памятников. Археологические памятники стали одним из основных источников изучения истории народов Закавказья»².

Начались работы по составлению археологических карт отдельных республик и глубокое изучение последовательных звеньев культуры на ограниченных пространствах (микрорайоны), начиная с времен нижнего палеолита до позднего средневековья. При этом первостепенной задачей советских археологов являлось установление хронологии последовательных этапов развития культуры с выяснением экономической и социальной картины этих связанных между собой звеньев.

Однако не во всех республиках и не все этапы культуры изучались равномерно.

Работы по изучению памятников эпохи освоения железа в Армении велись главным образом с задачей археологического картографирования и имели больше рекогносцировочный характер³. К числу таковых нужно отнести первым делом раскопки (1927), произведенные экспедицией Гос. Исторического Музея Армении (Е. А. Лалаян) в с. Элар, Котайкского района. Было обследовано здесь 10 кромлехов, покрытых иногда еще земляными насыпями и имеющих в диаметре 3—3,5 метра. Один из этих кромлехов близко напоминает конструктивно кромлехи, обнару-

¹ И. И. Мещанинов, О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников, сообщ. ГАИМК, 1932, № 1—2, стр. 6—8 и сл.

² Б. Б. Piotровский, Археология Закавказья, стр. 10.

³ Несмотря на рекогносцировочный характер и некрупные масштабы этих работ, считаем целесообразным описать их более или менее подробно, т. к. результаты многих работ не опубликованы и не обобщены. Обобщение результатов этих работ может привести к интересным выводам.

женные в ущелье Хртаноц между с. Головино и г. Дилижан, с той только разницей, что в центре кромлеха над каменными плитами, покрывавшими погребальный склеп, здесь была наложена куча камней. Предметы, обнаруженные раскопками (железный браслет, бронзовое навершие, плоская глиняная чернолощеная чаша и сердоликовые бусы), характерны для эпохи железа¹.

Дальнейшее исследование этого района может дать интересные результаты в смысле стратиграфии и увязки поселений с могильниками, а также связей местной и урартской культур.

На такую же необходимость указывают и раскопки, произведенные экспедицией Комитета по охране древностей Армении в с. Памбак, Лори-Памбакского района (1928). Открытые здесь каменные ящики из четырех плит отличались от лалварских только тем, что они были покрыты огромными глыбами, а материал, извлеченный из этих «ящиков», вполне соответствует материалу из лалварских погребений (железные наконечники копий, браслеты из бронзы и керамика). Материалы этих раскопок также не изданы. То же самое можно сказать о раскопках шести грунтовых могил в с. Ани-Пемза (1930), дающих ценный материал (гравированные и гладкие бронзовые пояса, железные кинжалы, змеиноголовые браслеты, наконечники стрел архаичного скифского образца и др.), относящийся к урартскому времени², а также о работах, проведенных Комитетом по охране древностей Армении в 1931 г. в Ленинакане по исследованию характерного могильника эпохи широкого освоения железа. Ленинаканский комплекс представляет чрезвычайный интерес по сочетанию аналогичных предметов (наконечники стрел закавказского типа, близкие к найденному на Кармир-блуре³, урартского типа железная стрела, наконечники копий, спиралями гравированный пояс из бронзы, удила и др.), изготовленных частью из бронзы и частично из железа.

Ценнейший археологический материал дали раскопки кромлехов, произведенные экспедицией Комитета по охране древностей Армении в 1929 году в ущелье Хртаноц, между с. Головино и г. Дилижан.

Летом 1950 г., по поручению Института истории АН Армянской ССР, нами были произведены дополнительные раскопки этого могильника, давшие весьма интересные результаты, к которым мы обратимся в следующей главе настоящей работы.

Одновременно А. О. Мнацаканяном и нами был частично исследован и другой могильник, расположенный на северной окраине с. Головино по двум сторонам дилижанского шоссе. Могильник содержал разновременные погребения. Часть их относилась к периоду начального освоения железа, другая часть, примыкая хронологически к первой группе, обнаружила близкое родство с памятниками, раскопанными в ущелье Хртаноц, а

¹ Результаты этих работ не опубликованы.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944. Этот комплекс не изучен, за исключением бронзового гравированного пояса.

³ С. В. Тер-Аветисян и Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур (предварительный отчет о раскопках 1940 г.), Известия АрмФАН-а, № 4-5, стр. 157, 1940.

третья группа погребений должна быть датирована последними веками до нашей и первыми веками нашей эры. Дальнейшее исследование этого могильника представляет первостепенный интерес в смысле установления преемственной связи между разновременными группами погребений. Такой же интерес представляют материалы из раскопок могильника, произведенных в марте 1929 г. экспедицией Комитета по охране исторических памятников в селении Бджни, Ахтинского района. Часть инвентаря этого могильника в точности совпадает с материалом из хртаноцских кромлехов, а другая часть может найти аналогии в старшей группе погребений Головицкого могильника. Памятниками указанной эпохи богат и Степанаванский район. Обнаруженный в них археологический инвентарь вместе с ранее известной секирой закавказского типа довольно ярко характеризует период начального освоения железа. Могильник этого времени затронут исследованием в самом Степанаване (раскопки А. У. Погосяна в 1951 г.). Здесь вместе с гладким поясом из листовой бронзы, массивными и пластинчатыми орнаментированными браслетами обнаружены бронзовые стрелы, наконечники стрел из кости типа обнаруженных в нижнем ярусе Самтаврского могильника, железный кинжал с бронзовой обоймой и набалдашником типа ходжалы-кедабекских бронзовых кинжалов и многое другое. Могильник, обнаруживающий близкое родство с кромлехами в ущелье Хртаноц, был открыт также в селении Гюлакарак, Степанаванского района, где наряду с другим материалом были найдены также змеиноголовые браслеты.

Новым исследованием затронут и соседний Алавердский район. В 1951 г. А. О. Мнацаканян доследовал здесь частично разграбленный курган в с. Качаган. Некоторые из десяти погребений этого кургана содержали очень характерный для двух периодов эпохи раннего железа материал. Почти полностью сохранился комплекс предметов из четвертого погребения, состоящий из миниатюрных железных наконечников копий, железного кинжала, очень похожего на кинжал первого кромлеха Хртаноцкого ущелья, рукоятки изогнутого ножа, бронзовой скифской стрелочки позднего типа, бронзовых колечек, трубочек и браслетов. В других погребениях кургана были обнаружены предметы, типичные для более раннего периода освоения железа (бронзовый меч с обрубленным концом, рельефно орнаментированные набалдашники посохов и много другого), которые сочетаются хронологически с ранее известными из этого же района секирами закавказского типа.

Начиная с 1933 г., неоднократно обследованию был подвергнут Кироваканский район¹. Особенно интересные результаты с точки зрения разрабатываемой темы дали раскопки 1939 г., произведенные экспедицией Комитета по охране древностей Армении. Вскрыты 26 каменных ящиков, сооруженных из трех плит и заделанных с южной стороны кладкой из мелких камней. Могильник этот находится на расстоянии 1,5 км к юго-востоку от города Кировакан, на трапецевидном холме, называемом «Димаци

¹ Կ. Ղաֆադյան, Դավթանիսի պեղումները Կիրովականում, Տեղեկագիր ՍՍՍՐ ԳԱ Հայկական ֆիլիալի, № 3—4, 1941:

тах». Исследователи могильника временем VII—VI вв. датируют несколько каменных ящиков по находке там изделий из железа и бронзы лалварского типа. К ряду таковых можно отнести могилы №№ 3, 4, 9 и др. Материалы из этих раскопок находятся в Кироваканском музее и не изданы¹.

Наконец весьма интересные разведочные работы, произведенные экспедицией Института истории АН Армянской ССР в Сисианском районе в 1950—1951 гг. (М. С. Асратян), позволяют включить в систему культуры междуречья Куры и Аракса, начиная с времен энеолита, и указанный район. Но особый интерес для нас представляют раскопанные здесь долменвидные могильные сооружения, содержащие инвентарь, близкий к материалам из рассмотренных нами могильников по своему культурно-хронологическому облику.

На территории Армении совершенно недостаточно изучены поселения железного века. Единственным опытом подобного рода исследования явились раскопки в районе Ленинаканского мясокомбината, проведенные на очень низком техническом уровне экспедицией Комитета по охране древностей Армении в 1934 г. и не давшие соответствующих результатов. Обследованное здесь поселение состояло из отдельных жилищ—полуземлянок подквадратной формы, со сложенными из каменных глыб стенами, и могильник с различными видами погребений. Замечательной находкой в этом поселении, указывающей на местное производство бронзовых изделий, явилась каменная форма для отливки секир закавказского типа. В 1939 году комплекс этот был дополнен бронзовыми предметами закавказского типа (наконечники копий и стрел, черенковые кинжалы, тесла и др.), среди которых оказались топорик кобанского типа с заостренным обушком, указывающий на связи с другими районами Кавказа, и наконечник копья из железа, свидетельствующий о начавшемся процессе освоения железа. Новые разведочные работы, проведенные здесь нами летом 1952 г., дали богатый материал, относящийся к эпохе широкого освоения железа (железные копья и др.).

Другое поселение, затронутое исследованием в 1951 г. в Ахтинском районе (А. О. Мнацаканян), наряду с остатками материального производства других эпох, дает инвентарь, относящийся ко времени широкого освоения железа. Дальнейшее исследование этих памятников может привести к ценнейшим результатам.

Совместно с работами по изучению погребальных памятников и поселений эпохи раннего железа велись также работы по обнаружению, изучению и классификации урартских эпиграфических и архитектурных памятников, связанных по времени с освоением железной металлургии в Армении.

Завершением этих работ явились раскопки урартской крепости Тейшебаини (близ Еревана) VII в. до н. э., начатые в 1939 году экспедициями Армянского филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа и продолжающиеся до сего времени под руководством Б. Б. Пиотровского. Эти и другие (Гар-

¹ Б. Абрамян, Раскопки могильника в Кировакане в 1939 году (рукопись в армянском языке).

ни, Двин) грандиозные по масштабу работы ознаменовали собой новый этап в развитии археологии Армении. О раскопках Кармир-блур, ставших уже всемирно известными и давших колоссальный ценный материал для истории Урарту и всего Кавказа, имеется многочисленная литература¹, а труды Б. Б. Пиотровского, посвященные результатам раскопок, раскрыли широкую картину взаимоотношений урартской, скифской и особенно закавказской культур. В этой связи некоторые комплексы из раскопок на Кармир-блуре рассматриваются и нами в теснейшей взаимосвязи с вещественными памятниками местной культуры периода VII—VI вв. до н. э.

В Азербайджанской ССР широко развернулись ныне особенно интересные археологические работы на территории Мингечаурстроя, где обнаружены могильники различных эпох в стратиграфическом залегании. В числе семи разновременных могильников здесь открыт также могильник скифского времени, изучение которого, в связи с культурой всего Закавказья, даст значительные результаты. Для хронологического определения разных культур Азербайджана раскопки в Мингечауре также будут иметь колоссальное значение².

Чрезвычайно плодотворные и весьма квалифицированные работы по изучению памятников данной эпохи были произведены в Грузинской ССР.

В 1924 году в с. Цицамури, Мцхетского района, этнограф Г. С. Читая раскопал погребение всадника, относящееся к периоду конца VII и начала VI вв. Каменные ящики этой же эпохи были открыты в Манглиси Л. Меликсет-беком³.

Особенно важные работы в этой области были произведены экспедициями Комитета по охране исторических памятников под руководством Б. А. Куфтина на территории Цалкинского плоскогорья в связи со строительством Храмгэоа. Два могильника этой группы, раскопанные у с. Цинцкаро в 1937 году, дали характерный материал железного века. Железные предметы из этих могильников особенно родственны с таковыми же, найденными в синхронных вышеупомянутым могильниках Армянской ССР (Лалвар, Головино, район оз. Севан и пр.). К этой группе относится также

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944.

Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949.

Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I и II, Ереван, 1950, 1952.

Б. Б. Пиотровский, Скифы Закавказья, Уч. записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13.

Б. Б. Пиотровский, Город бога Тейшебы, ВДИ, № 4, 1948.

Б. Б. Пиотровский, Урарту и Закавказье, КСИИМК, III, 1940.

К. Кафадарян, Раскопки Кармир-блур (1939), Изв. АрмФАН-а, № 3, 1940.

Կ. Կաֆադարյան, Կարմիր-բլուրի նորագյուտ սեպագիր արձանագրությունը, Տեղեկագիր ՀՍՀՆ Պատմության և գրականության ինստիտուտի, № 2, 1938:

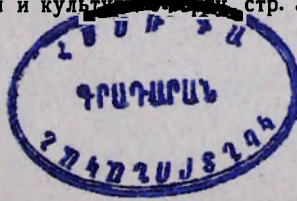
Մ. Իսրահելյան, Կարմիր-բլուրի նորագյուտ արձանագրությունները, Ն. Մանթաշյանի կարիքների աշխատություններ, № 2, Երևան, 1947:

² Г. И. Ионе, Археологические раскопки в районе Мингечаурстроя, Доклады АН Аз. ССР, № 6, т. II, 1946.

С. М. Казиев, Археологические раскопки в Мингечауре, Баку, 1949.

³ Б. А. Куфтин, ук. соч.

Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 310.

могильник, открытый Б. А. Куфтиным в 1939 г. близ Бешташенской мегалитической крепости, датированной исследователем раннеахеменидской эпохой.

Другой могильник около той же Бешташенской крепости относится в общем к этой же эпохе, но датировка его немного затруднена. Б. А. Куфтин сравнивает грунтовые могилы этого могильника с Западно-Ахталинским могильником. Инвентарь могильника состоит из железных копий и ножей, крупноголовых орнаментированных «булавок» и цилиндрического навершия «трости».

К ряду перечисленных памятников нужно причислить, на наш взгляд, и могильник у стекольного завода в Дманиси, обследованный дважды. Находясь географически между Лалварской и Цалкинской группами некрополей, могильник этот органически связан с ними и не может датироваться X—IX вв. до н. э. (Г. К. Ниорадзе) без учета датировки аналогичных памятников¹.

Ванской эпохой датирует Б. А. Куфтин могильник у с. Санты, в урочище Маралын-дереси. Найденный здесь инвентарь обнаруживает широкие связи, с одной стороны, с западно-грузинской и кобанской культурой, а с другой—с культурой Лалвара².

Вне Цалкинской группы также имеются могильники, относящиеся к рассматриваемому времени. К ряду этих памятников относится могильник скифского времени, близ селения Двани, раскопанный С. И. Макалатиа в 1939 году. Инвентарь из могильника хорошо иллюстрирует связи местной культуры со скифской и урартской культурами³. В этом отношении особенное значение имеют раскопки грунтовых погребений нижнего яруса Самтаврского могильника, произведенные здесь Мцхетской археологической экспедицией с 1938 по 1948 гг. (С. Н. Джанашиа, И. А. Джавахишвили, М. М. Иващенко, А. Н. Каландадзе). В результате этих работ стало возможным выделение характерной группы могил, относящихся к VII—VI вв. до н. э. Использование материалов из разновременных могильников Самтаврского могильного поля дало возможность Б. А. Куфтину установить абсолютную хронологию культур на протяжении четырех тысячелетий. К сожалению, результаты работ Мцхетской археологической экспедиции, над которыми ныне работают археологи Грузинской ССР, еще не опубликованы.

Заканчивая обзор погребальных памятников широкого освоения железа, необходимо отметить, что проведенные за 80 лет археологические изыскания, а тем более работы советских археологов, создали прочную базу для систематизации памятников многих районов Закавказья во времени. Они создали также реальную основу для изучения археологических памятников по горизонтали, т. е. для синтеза и синхронизации памятников и таким образом определения различных этапов общественного развития в пределах макрорайонов.

¹ Г. К. Ниорадзе, Могильник у стекольного завода.

² Б. А. Куфтин, указ. соч.

³ С. И. Макалатиа, Раскопки Дванского могильника, СА, XI, 1949.